

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ВОСКРЕСЕНИЕ

Лев Толстой

Воскресение (с иллюстрациями)

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

1899

Толстой Л. Н.

Воскресение (с иллюстрациями) / Л. Н. Толстой —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», 1899

«Воскресение» — это последний из романов Льва Толстого. После публикации он был переведен на основные европейские языки. Такой успех, скорее всего, был вызван остротой выбранной темы (судьба соблазненной и брошенной офицером девушки). В романе два главных героя: молодая женщина Екатерина Маслова и князь Дмитрий Нехлюдов. Судьба свела их еще в юности. 16-летняя Катя влюбляется в студента Дмитрия, он соблазняет ее и надолго уезжает. А в следующий раз они случайно встречаются в суде: Маслова в роли осуждаемой, Нехлюдов назначен присяжным по ее делу. Жизнь героев после этой встречи круто изменится... Иллюстрации Дмитрия Рыбалко.

© Толстой Л. Н., 1899

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого, 1899

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
I	5
II	9
III	14
IV	18
V	20
VI	22
VII	24
VIII	26
IX	28
X	32
XI	34
XII	38
XIII	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Лев Николаевич Толстой

ВОСКРЕСЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?
22. Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз.

Матф. Гл. XVIII. Ст. 21.

И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?

Матф. Гл. VII. Ст. 3.

...кто из вас без греха, первый брось на нее камень.

Иоанн. Гл. VIII. Ст. 7.

Ученик не бывает выше своего учителя; но и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его.

Лука. Гл. VI. Ст. 40.

I

Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, – весна была весною даже и в городе. Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами камней, и березы, тополи, черемуха распускали свои клейкие и пахучие листья, липы надували лопавшиеся почки; галки, воробьи и голуби по-весеннему радостно готовили уже гнезда, и мухи жужжали у стен, пригретые солнцем. Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди – большие, взрослые люди – не переставали обманывать и мучать себя и друг друга. Люди считали, что свяшенно и важно не это весеннее утро, не эта красота мира Божия, данная для блага всех существ, – красота, располагающая к миру, согласию и любви, а свяшенно и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом.

Так, в конторе губернской тюрьмы считалось свяшенным и важным не то, что всем животным и людям даны умиление и радость весны, а считалось свяшенным и важным то, что накануне получена была за номером с печатью и заголовком бумага о том, чтобы к девяти часам утра были доставлены в нынешний день, 28-го апреля, три содержащиеся в тюрьме подследственные арестанта – две женщины и один мужчина. Одна из этих женщин, как самая важная преступница, должна была быть доставлена отдельно. И вот, на основании этого предписания, 28-го апреля в темный вонючий коридор женского отделения, в восемь часов утра, вошел старший надзиратель. Вслед за ним вошла в коридор женщина с измученным лицом и вьющимися седыми волосами, одетая в кофту с рукавами, обшитыми галунами, и подпоясанную поясом с синим кантом. Это была надзирательница.

– Вам Маслову? – спросила она, подходя с дежурным надзирателем к одной из дверей камер, отворявшихся в коридор.

Надзиратель, гремя железом, отпер замок и, растворив дверь камеры, из которой хлынул еще более вонючий, чем в коридоре, воздух, крикнул:

– Маслова, в суд! – и опять притворил дверь, дожидаясь.

Даже на тюремном дворе был свежий, живительный воздух полей, принесенный ветром в город. Но в коридоре был удручающий тифозный воздух, пропитанный запахом испражнений, дегтя и гнили, который тотчас же приводил в уныние и грусть всякого вновь

приходившего человека. Это испытала на себе, несмотря на привычку к дурному воздуху, пришедшая со двора надзирательница. Она вдруг, входя в коридор, почувствовала усталость, и ей захотелось спать.

В камере слышна была суетня: женские голоса и шаги босых ног.

– Живей, что ль, поворачивайся там, Маслова, говорю! – крикнул старший надзиратель в дверь камеры.

Минуты через две из двери бодрым шагом вышла, быстро повернулась и стала подле надзирателя невысокая и очень полногрудая молодая женщина в сером халате, надетом на белую кофту и на белую юбку. На ногах женщины были полотняные чулки, на чулках – острожные коты, голова была повязана белой косынкой, из-под которой, очевидно умышленно, были выпущены колечки вьющихся черных волос. Все лицо женщины было той особенной белизны, которая бывает на лицах людей, прошедших долгое время взаперти, и которая напоминает ростки картофеля в подвале. Такие же были и небольшие широкие руки и белая полная шея, видневшаяся из-за большого воротника халата. В лице этом поражали, особенно на матовой бледности лица, очень черные, блестящие, несколько подпухшие, но очень оживленные глаза, из которых один косил немного. Она держалась очень прямо, выставляя полную грудь. Выйдя в коридор, она, немного закинув голову, посмотрела прямо в глаза надзирателю и остановилась в готовности исполнить все то, что от нее потребуют. Надзиратель хотел уже запереть дверь, когда оттуда высунулось бледное, строгое, морщинистое лицо простоволосой седой старухи. Старуха начала что-то говорить Масловой. Но надзиратель надавил дверь на голову старухи, и голова исчезла. В камере захохотал женский голос. Маслова тоже улыбнулась и повернулась к зарешетенному маленькому оконцу в двери. Старуха с той стороны прильнула к оконцу и хриплым голосом проговорила:

– Пуще всего – лишнего не высказывай, стой на одном, и шабаш.

– Да уж одно бы что, хуже не будет, – сказала Маслова, тряхнув головой.

– Известно, одно, а не два, – сказал старший надзиратель с начальственной уверенностью в собственном остроумии. – За мной, марш!

Видневшийся в оконце глаз старухи исчез, а Маслова вышла на середину коридора и быстрыми мелкими шагами пошла вслед за старшим надзирателем. Они спустились вниз по каменной лестнице, прошли мимо еще более, чем женские, вонючих и шумных камер мужчин, из которых их везде провожали глаза в форточках дверей, и вошли в контору, где уже стояли два конвойных солдата с ружьями. Сидевший там писарь дал одному из солдат пропитанную табачным дымом бумагу и, указав на арестантку, сказал:

– Прими.

Солдат – нижегородский мужик с красным, изрытым оспой лицом – положил бумагу за обшлаг рукава шинели и, улыбаясь, подмигнул товарищу, широкоскулому чувашину, на арестантку. Солдаты с арестанткой спустились с лестницы и пошли к главному выходу.

В двери главного выхода отворилась калитка, и, переступив через порог калитки на двор, солдаты с арестанткой вышли из ограды и пошли городом посередине мощеных улиц.

Извозчики, лавочники, кухарки, рабочие, чиновники останавливались и с любопытством оглядывали арестантку; иные покачивали головами и думали: «Вот до чего доводит дурное, не такое, как наше, поведение». Дети с ужасом смотрели на разбойницу, успокаиваясь только тем, что за ней идут солдаты, и она теперь ничего уже не сделает. Один деревенский мужик, продавший уголь и напившийся чаю в трактире, подошел к ней, перекрестился и подал ей копейку. Арестантка покраснела, наклонила голову и что-то проговорила.

Чувствуя направленные на себя взгляды, арестантка незаметно, не поворачивая головы, косилась на тех, кто смотрел на нее, и это обращенное на нее внимание веселило ее. Веселил ее тоже чистый, сравнительно с острогом, весенний воздух, но больно было ступать по камням отвыкшими от ходьбы и обутыми в неуклюжие арестантские коты ногами,

и она смотрела себе под ноги и старалась ступать как можно легче. Проходя мимо мучной лавки, перед которой ходили, перекачиваясь, никем не обижаемые голуби, арестантка чуть не задела ногою одного сизяка; голубь вспорхнул и, трепеща крыльями, пролетел мимо самого уха арестантки, обдав ее ветром. Арестантка улыбнулась и потом тяжело вздохнула, вспомнив свое положение.

II

История арестантки Масловой была очень обыкновенная история. Маслова была дочь незамужней дворовой женщины, жившей при своей матери-скотнице в деревне у двух сестер-барышень помещиц. Незамужняя женщина эта рожала каждый год, и, как это обыкновенно делается по деревням, ребенка крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося ненужного и мешавшего работе ребенка, и он скоро умирал от голода.

Так умерло пять детей. Всех их крестили, потом не кормили, и они умирали. Шестой ребенок, прижитый от проезжего цыгана, была девочка, и участь ее была бы та же, но случилось так, что одна из двух старых барышень зашла в скотную, чтобы сделать выговор скотницам за сливки, пахнувшие коровой. В скотной лежала родильница с прекрасным здоровым младенцем. Старая барышня сделала выговор и за сливки, и за то, что пустили родившую женщину в скотную, и хотела уже уходить, как, увидав ребеночка, умилилась над ним и вызвалась быть его крестной матерью. Она и окрестила девочку, а потом, жалея свою крестницу, давала молока и денег матери, и девочка осталась жива. Старые барышни так и называли ее «спасенной».

Ребенку было три года, когда мать ее заболела и умерла. Бабка-скотница тяготилась внучкой, и тогда старые барышни взяли девочку к себе. Черноглазая девочка вышла необыкновенно живая и миленькая, и старые барышни утешались ею.

Старых барышень было две: меньшая, добрее – Софья Ивановна, она-то и крестила девочку, и старшая, построжее – Марья Ивановна. Софья Ивановна наряжала, учила девочку читать и хотела сделать из нее воспитанницу. Марья Ивановна говорила, что из девочки надо сделать работницу, хорошую горничную, и потому была требовательна, наказывала и даже бивала девочку, когда бывала не в духе. Так между двух влияний из девочки, когда она выросла, вышла полугорничная, полувоспитанница. Ее и звали так средним именем – не Катька и не Катенька, а Катюша. Она шила, убирала комнаты, чистила мелом образа, жарила, молола, подавала кофе, делала мелкие постирушечки и иногда сидела с барышнями и читала им.

За нее сватались, но она ни за кого не хотела идти, чувствуя, что жизнь ее с теми трудовыми людьми, которые сватались за нее, будет трудна ей, избалованной сладостью господской жизни.

Так жила она до шестнадцати лет. Когда же ей минуло шестнадцать лет, к ее барышням приехал их племянник-студент, богатый князь, и Катюша, не смея ни ему, ни даже себе признаться в этом, влюбилась в него. Потом через два года этот самый племянник заехал по дороге на войну к тетушкам, пробыл у них четыре дня и накануне своего отъезда соблазнил Катюшу и, сунув ей в последний день сторублевую бумажку, уехал. Через пять месяцев после его отъезда она узнала наверное, что она беременна.

С тех пор ей все стало постыло, и она только думала о том, как бы ей избавиться от того стыда, который ожидал ее, и она стала не только неохотно и дурно служить барышням, но, сама не зная, как это случилось, – вдруг ее прорвало. Она наговорила барышням грубостей, в которых сама потом раскаивалась, и попросила расчета.

И барышни, очень недовольные ею, отпустили ее. От них она поступила горничной к становому, но могла прожить там только три месяца, потому что становой, пятидесятилетний старик, стал приставать к ней, и один раз, когда он стал особенно предприимчив, она вскипела, назвала его дураком и старым чертом и так толкнула в грудь, что он упал. Ее прогнали за грубость. Поступать на место было не к чему, скоро надо было родить, и она поселилась у деревенской вдовы-повитухи, торговавшей вином. Роды были легкие. Но повитуха, принимавшая на деревне у больной женщины, заразила Катюшу родильной горячкой, и ребенка, мальчика, отправили в воспитательный дом, где ребенок, как рассказывала возившая его старуха, тотчас же по приезде умер.

Всех денег у Катюши, когда она поселилась у повитухи, было сто двадцать семь рублей: двадцать семь – зажитых и сто рублей, которые дал ей ее соблазнитель. Когда же она вышла от нее, у нее осталось всего шесть рублей. Она не умела беречь деньги и на себя тратила и давала всем, кто просил. Повитуха взяла у нее за прожитие – за корм и за чай – за два месяца сорок рублей, двадцать пять рублей пошли за отправку ребенка, сорок рублей повитуха выпросила себе займы на корову, рублей двадцать разошлись так – на платья, на гостинцы, так что, когда Катюша выздоровела, денег у нее не было, и надо было искать места. Место нашлось у лесничего. Лесничий был женатый человек, но, точно так же, как и становой, с первого же дня начал приставать к Катюше. Он был противен Катюше, и она старалась избегать его. Но он был опытнее и хитрее ее, главное – был хозяин, который мог посылать ее куда хотел, и, выждав минуту, овладел ею. Жена узнала и, застав раз мужа одного в комнате с Катюшей, бросилась бить ее. Катюша не далась, и произошла драка, вследствие которой ее выгнали из дома, не заплатив зажитое. Тогда Катюша поехала в город и остановилась там у тетки. Муж тетки был переплетчик и прежде жил хорошо, а теперь растерял всех давальщиков и пьянствовал, пропивая все, что ему попадало под руку.

Тетка же держала маленькое прачечное заведение и этим кормилась с детьми и поддерживала пропащего мужа. Тетка предложила Масловой поступить к ней в прачки. Но, глядя на ту тяжелую жизнь, которую вели женщины-прачки, жившие у тетки, Маслова медлила и отыскивала в конторах место в прислуги. И место нашлось у барыни, жившей с двумя сыновьями-гимназистами. Через неделю после ее поступления старший, усатый, шестого класса гимназист, бросил учиться и не давал покою Масловой, приставая к ней. Мать обвинила во всем Маслову и разочла ее. Нового места не выходило, но случилось так, что, прийдя в контору, поставляющую прислуг, Маслова встретила там барыню в перстнях и браслетах на пухлых голых руках. Барыня эта, узнав про положение Масловой, ищущей места, дала ей свой адрес и пригласила к себе. Маслова пошла к ней. Барыня ласково приняла ее, угостила пирожками и сладким вином и послала куда-то свою горничную с запиской. Вечером в комнату вошел высокий человек с длинными седеющими волосами и седой бородой; старик этот тотчас же подсел к Масловой и стал, блестя глазами и улыбаясь, рассматривать ее и шутить с нею. Хозяйка вызвала его в другую комнату, и Маслова слышала, как хозяйка говорила: «Свеженькая, деревенская». Потом хозяйка вызвала Маслову и сказала, что это писатель, у которого денег очень много и который ничего не пожалеет, если она ему понравится. Она понравилась, и писатель дал ей двадцать пять рублей, обещая часто видаться с нею. Деньги вышли очень скоро на уплату зажитого у тетки и на новое платье, шляпку и ленты. Через несколько дней писатель прислал за нею в другой раз. Она пошла. Он дал ей еще двадцать пять рублей и предложил переехать в отдельную квартиру.

Живя на квартире, нанятой писателем, Маслова полюбила веселого приказчика, жившего на том же дворе. Она сама объявила об этом писателю, и она перешла на отдельную маленькую квартиру. Приказчик же, обещавший жениться, уехал, ничего не сказав ей и, очевидно, бросив ее, в Нижний, и Маслова осталась одна. Она хотела было жить одна на квартире, но ей не позволили. И околоточный сказал ей, что она может жить так, только получив желтый билет и подчинившись осмотру. Тогда она пошла опять к тетке. Тетка, видя на ней модное платье, накидку и шляпу, с уважением приняла ее и уже не смела предлагать ей поступить в прачки, считая, что она теперь стала на высшую ступень жизни. И для Масловой теперь уже и не было вопроса о том, поступить или не поступить в прачки. Она с соболезнаванием смотрела теперь на ту каторжную жизнь, которую вели в первых комнатах бледные, с худыми руками прачки, из которых некоторые уже были чахоточные, стирая и глядя в тридцатиградусном мыльном пару с открытыми летом и зимой окнами, и ужасалась мысли о том, что и она могла поступить в эту каторгу.

И вот в это-то время, особенно бедственное для Масловой, так как не попадался ни один покровитель, Маслову разыскала сыщица, поставляющая девушек для дома терпимости.

Маслова курила уже давно, но в последнее время связи своей с приказчиком и после того, как он бросил ее, она все больше и больше приучалась пить. Вино привлекало ее не только потому, что оно казалось ей вкусным, но оно привлекало ее больше всего потому, что давало ей возможность забывать все то тяжелое, что она пережила, и давало ей развязность и уверенность в своем достоинстве, которых она не имела без вина. Без вина ей всегда было уныло и стыдно.

Сыщица сделала угощение для тетки и, напоив Маслову, предложила ей поступить в хорошее, лучшее в городе заведение, выставляя перед ней все выгоды и преимущества этого положения. Масловой предстоял выбор: или унижительное положение прислуги, в котором наверное будут преследования со стороны мужчин и тайные временные прелюбодеяния, или обеспеченное, спокойное, узаконенное положение и явное, допущенное законом и хорошо оплачиваемое постоянное прелюбодеяние, и она избрала последнее. Кроме того, она этим думала отплатить и своему соблазнителю, и приказчику, и всем людям, которые ей сделали зло. Притом же соблазняло ее и было одной из причин окончательного решения то, что сыщица сказала ей, что платья она может заказывать себе какие только пожелает, – бархатные, фаи, шелковые, бальные с открытыми плечами и руками. И когда Маслова представила себе себя в ярко-желтом шелковом платье с черной бархатной отделкой – декольте, она не могла устоять и отдала паспорт. В тот же вечер сыщица взяла извозчика и свезла ее в знаменитый дом Китаевой.

И с тех пор началась для Масловой та жизнь хронического преступления заповедей Божеских и человеческих, которая ведется сотнями и сотнями тысяч женщин не только с разрешения, но под покровительством правительственной власти, озабоченной благом своих граждан, и кончается для девяти женщин из десяти мучительными болезнями, преждевременной дряхлостью и смертью.

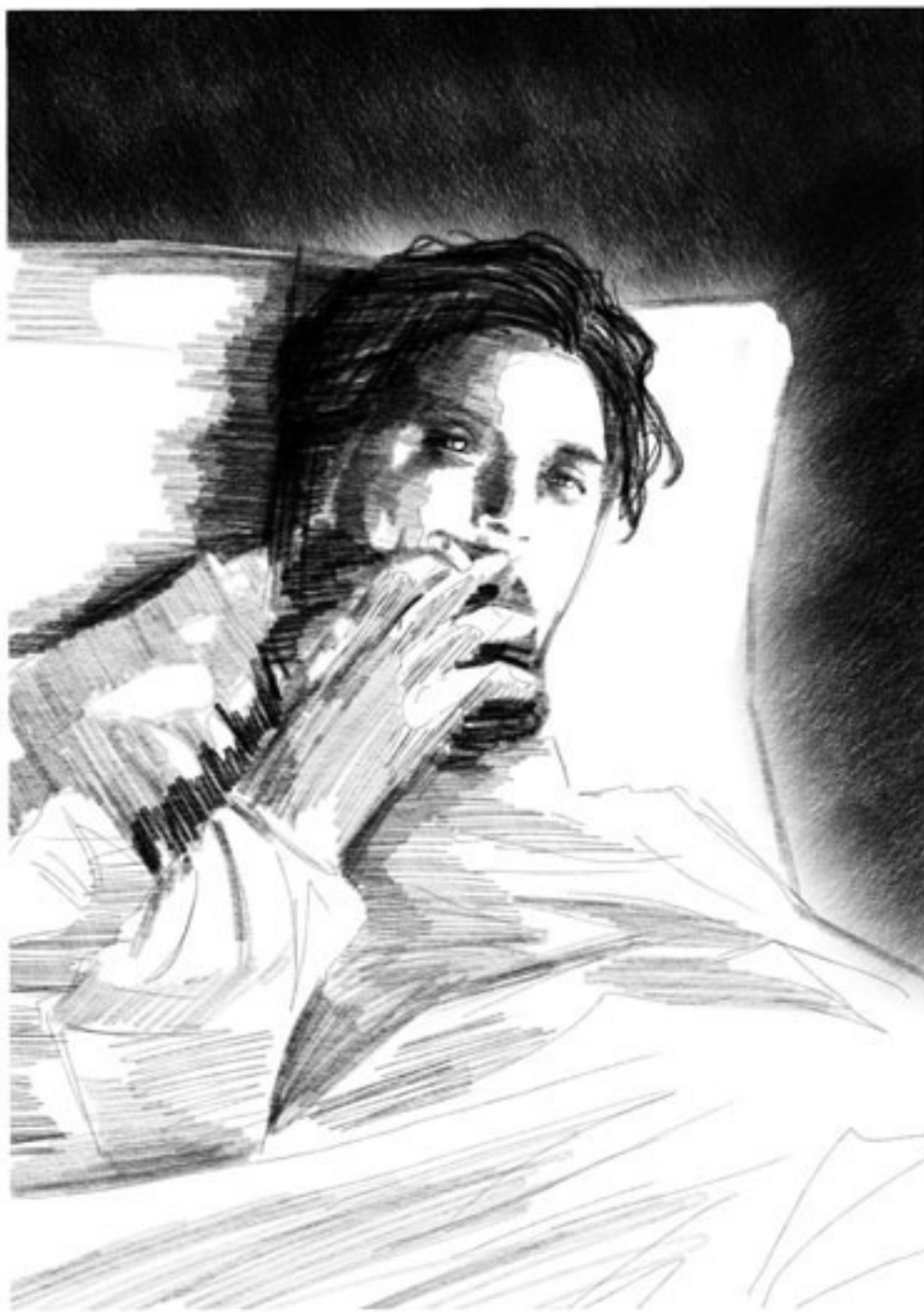
Утром и днем тяжелый сон после оргии ночи. В третьем, четвертом часу усталое вставание с грязной постели, зельтерская вода с перепоя, кофе, ленивое шлянье по комнатам в пеньюарах, кофтах, халатах, смотренье из-за занавесок в окна, вялые перебранки друг с другом; потом обмывание, обмазывание, душение тела, волос, примеривание платьев, споры из-за них с хозяйкой, рассматривание себя в зеркало, подкрашивание лица, бровей, сладкая, жирная пища; потом одевание в яркое шелковое обнажающее тело платье; потом выход в разукрашенную, ярко освещенную залу, приезд гостей, музыка, танцы, конфеты, вино, куренье и прелюбодеяния с молодыми, средними, полудетьми и разрушающимися стариками, холостыми, женатыми, купцами, приказчиками, армянами, евреями, татарами, богатыми,

бедными, здоровыми, больными, пьяными, трезвыми, грубыми, нежными, военными, штатскими, студентами, гимназистами – всех возможных сословий, возрастов и характеров. И крики и шутки, и драки и музыка, и табак и вино, и вино и табак, и музыка с вечера и до рассвета. И только утром освобождение и тяжелый сон. И так каждый день, всю неделю. В конце же недели поездка в государственное учреждение – участок, где находящиеся на государственной службе чиновники, доктора – мужчины, иногда серьезно и строго, а иногда с игривой веселостью, уничтожая данный от природы для ограждения от преступления не только людям, но и животным стыд, осматривали этих женщин и выдавали им патент на продолжение тех же преступлений, которые они совершали с своими сообщниками в продолжение недели. И опять такая же неделя. И так каждый день, и летом и зимой, и в будни и в праздники.

Так прожила Маслова семь лет. За это время она переменила два дома и один раз была в больнице. На седьмом году ее пребывания в доме терпимости и на восьмом году после первого падения, когда ей было двадцать шесть лет, с ней случилось то, за что ее посадили в острог и теперь вели на суд, после шести месяцев пребывания в тюрьме с убийцами и воровками.

III

В то время когда Маслова, измученная длинным переходом, подходила с своими конвойными к зданию окружного суда, тот самый племянник ее воспитательниц, князь Дмитрий Иванович Нехлюдов, который соблазнил ее, лежал еще на своей высокой, пружинной с пуховым тюфяком, смятой постели и, расстегнув ворот голландской чистой ночной рубашки с заутюженными складочками на груди, курил папиросу. Он остановившимися глазами смотрел перед собой и думал о том, что предстоит ему нынче сделать и что было вчера.

Вспоминая вчерашний вечер, проведенный у Корчагиных, богатых и знаменитых людей, на дочери которых предполагалось всеми, что он должен жениться, он вздохнул и, бросив выкуренную папироску, хотел достать из серебряного портсигара другую, но раздумал и, спустив с кровати гладкие белые ноги, нашел ими туфли, накинул на полные плечи шелковый халат и, быстро и тяжело ступая, пошел в соседнюю с спальней уборную, всю пропитанную искусственным запахом эликсиров, одеколона, фиксатуаров, духов. Там он вычистил особым порошком пломбированные во многих местах зубы, выполоскал их душистым полосканьем, потом стал со всех сторон мыться и вытираться разными полотенцами. Вымыв душистым мылом руки, старательно вычистив щетками отпущенные ногти и обмыв у большого мраморного умывальника себе лицо и толстую шею, он пошел еще в третью комнату у спальни, где приготовлен был душ. Обмыв там холодной водой мускулистое, обложившееся жиром белое тело и вытершись лохматой простыней, он надел чистое выглаженное белье, как зеркало, вычищенные ботинки и сел перед туалетом расчесывать двумя щетками небольшую черную курчавую бороду и поредевшие на передней части головы вьющиеся волосы.

Все вещи, которые он употреблял, – принадлежности туалета: белье, одежда, обувь, галстуки, булавки, запонки, – были самого первого, дорогого сорта, незаметные, простые, прочные и ценные.

Выбрав из десятка галстуков и брошек те, какие первые попались под руку, – когда-то это было ново и забавно, теперь было совершенно все равно, – Нехлюдов оделся в вычищенное и приготовленное на стуле платье и вышел, хотя и не вполне свежий, но чистый и душистый, в длинную с натертым вчера тремя мужиками паркетом столовую с огромным дубовым буфетом и таким же большим раздвижным столом, имевшим что-то торжественное в своих широко расставленных в виде львиных лап резных ножках. На столе этом, покрытом тонкой крахмаленной скатертью с большими вензелями, стояли: серебряный кофейник с пахучим кофе, такая же сахарница, сливочник с кипячеными сливками и корзина с свежим калачом, сухариками и бисквитами. Подле прибора лежали полученные письма, газеты и новая книжка «Revue des deux Mondes». Нехлюдов только что хотел взяться за письма, как из двери, ведущей в коридор, выплыла полная пожилая женщина в трауре, с кружевной наколкой на голове, скрывавшей ее разъехавшуюся дорожку пробора. Это была горничная покойной, недавно в этой самой квартире умершей матери Нехлюдова, Аграфена Петровна, оставшаяся теперь при сыне в качестве экономки.

Аграфена Петровна лет десять в разное время провела с матерью Нехлюдова за границей и имела вид и приемы барыни. Она жила в доме Нехлюдовых с детства и знала Дмитрия Ивановича еще Митенькой.

– С добрым утром, Дмитрий Иванович.

– Здравствуйте, Аграфена Петровна. Что новенького? – спросил Нехлюдов шутя.

– Письмо, от княгини ли, от княжны ли. Горничная давно принесла, у меня дожидается, – сказала Аграфена Петровна, подавая письмо и значительно улыбаясь.

– Хорошо, сейчас, – сказал Нехлюдов, взяв письмо, и, заметив улыбку Аграфены Петровны, нахмурился.

Улыбка Аграфены Петровны означала, что письмо было от княжны Корчагиной, на которой, по мнению Аграфены Петровны, Нехлюдов собирался жениться. И это предположение, выражаемое улыбкой Аграфены Петровны, было неприятно Нехлюдову.

– Так я ей скажу подождать, – и Аграфена Петровна, захватив лежавшую не на месте щеточку для сметания со стола и переложив ее на другое место, выплыла из столовой.

Нехлюдов, распечатав пахучее письмо, поданное ему Аграфеной Петровной, стал читать его.

«Исполняя взятую на себя обязанность быть вашей памятью, — было написано на листе серой толстой бумаги с неровными краями острым, но разгонистым почерком, — напоминаю вам, что вы нынче, 28-го апреля, должны быть в суде присяжных и потому не можете никак ехать с нами и Колосовым смотреть картины, как вы, с свойственным вам легкомыслием, вчера обещали; à moins que vous ne soyez disposé à payer à la cour d'assises les 300 roubles d'amende, que vous vous refusez pour votre cheval,¹ за то, что не явились вовремя. Я вспомнила это вчера, только что вы ушли. Так не забудьте же.

Кн. М. Корчагина».

На другой стороне было прибавлено:

«Maman vous fait dire que votre couvert vous attendra jusqu'à la nuit. Venez absolument à quelle heure que cela soit.²

М. К.».

Нехлюдов поморщился. Записка была продолжением той искусной работы, которая вот уже два месяца производилась над ним княжной Корчагиной и состояла в том, что незаметными нитями все более и более связывала его с ней. А между тем, кроме той обычной нерешительности перед женитьбой людей не первой молодости и не страстно влюбленных, у Нехлюдова была еще важная причина, по которой он, если бы даже и решился, не мог сейчас сделать предложения. Причина эта заключалась не в том, что он десять лет тому назад соблазнил Катюшу и бросил ее, это было совершенно забыто им, и он не считал это препятствием для своей женитьбы; причина эта была в том, что у него в это самое время была с замужней женщиной связь, которая, хотя и была разорвана теперь с его стороны, не была еще признана разорванной ею.

Нехлюдов был очень робок с женщинами, но именно эта-то его робость и вызвала в этой замужней женщине желание покорить его. Женщина эта была жена предводителя того уезда, на выборы которого ездил Нехлюдов. И женщина эта вовлекла его в связь, которая с каждым днем делалась для Нехлюдова все более и более захватывающей и вместе с тем все более и более отталкивающей. Сначала Нехлюдов не мог устоять против соблазна, потом, чувствуя себя виноватым перед нею, он не мог разорвать эту связь без ее согласия. Вот это-то и было причиной, по которой Нехлюдов считал себя не вправе, если бы даже и хотел этого, сделать предложение Корчагиной.

На столе как раз лежало письмо от мужа этой женщины. Увидав этот почерк и штемпель, Нехлюдов покраснел и тотчас же почувствовал тот подъем энергии, который он всегда испытывал при приближении опасности. Но волнение его было напрасно: муж, предводитель дворянства того самого уезда, в котором были главные имения Нехлюдова, извещал Нехлюдова о том, что в конце мая назначено экстренное земское собрание и что он просит Нехлюдова непременно приехать и donner un coup d'épaule³ в предстоящих важных вопросах на земском собрании о школах и подъездных путях, при которых ожидалось сильное противодействие реакционной партии.

Предводитель был либеральный человек, и он вместе с некоторыми единомышленниками боролся против наступившей при Александре III реакции и весь был поглощен этой борьбой и ничего не знал о своей несчастной семейной жизни.

Нехлюдов вспомнил о всех мучительных минутах, пережитых им по отношению этого человека: вспомнил, как один раз он думал, что муж узнал, и готовился к дуэли с ним, в которой он намеревался выстрелить на воздух, и о той страшной сцене с нею, когда она в

¹ если, впрочем, вы не предполагаете уплатить в окружной суд штраф в 300 рублей, которые вы жалеете истратить на покупку лошади (фр.).

² Матушка велела вам сказать, что ваш прибор будет ждать вас до ночи. Приходите непременно когда угодно (фр.).

³ поддержать (фр.).

отчаянии выбежала в сад к пруду с намерением утопиться и он бегал искать ее. «Не могу я теперь ехать и не могу ничего предпринять, пока она не ответит мне», – подумал Нехлюдов. Он неделю тому назад написал ей решительное письмо, в котором признавал себя виновным, готовым на всякого рода искупление своей вины, но считал все-таки, для ее же блага, их отношения навсегда поконченными. Вот на это-то письмо он ждал и не получал ответа. То, что не было ответа, было отчасти хорошим признаком. Если бы она не согласилась на разрыв, она давно бы написала или даже сама приехала, как она делала это прежде. Нехлюдов слышал, что там был теперь какой-то офицер, ухаживавший за нею, и это мучало его ревностью и вместе с тем радовало надеждой на освобождение от томившей его лжи.

Другое письмо было от главноуправляющего имениями. Управляющий писал, что ему, Нехлюдову, необходимо самому приехать, чтобы утвердиться в правах наследства и, кроме того, решить вопрос о том, как продолжать хозяйство: так ли, как оно велось при покойнице, или, как он это и предлагал покойной княгине и теперь предлагает молодому князю, увеличить инвентарь и всю раздаваемую крестьянам землю обрабатывать самим. Управляющий писал, что такая эксплуатация будет гораздо выгоднее. При этом управляющий извинялся в том, что несколько опоздал высылкой следуемых по расписанию к первому числу трех тысяч рублей. Деньги эти вышлются с следующей почтой. Замедлил же он высылкой потому, что никак не мог собрать с крестьян, которые в своей недобросовестности дошли до такой степени, что для понуждения их необходимо было обратиться к власти. Письмо это было и приятно и неприятно Нехлюдову. Приятно было чувствовать свою власть над большою собственностью, и неприятно было то, что во время своей первой молодости он был восторженным последователем Герберта Спенсера и в особенности, сам будучи большим землевладельцем, был поражен его положением в «Social statics»⁴ о том, что справедливость не допускает частной земельной собственности. С прямою и решительностью молодости он не только говорил о том, что земля не может быть предметом частной собственности, и не только в университете писал сочинение об этом, но и на деле отдал тогда малую часть земли (принадлежавшей не его матери, а по наследству от отца ему лично) мужикам, не желая противно своим убеждениям владеть землею. Теперь, сделавшись по наследству большим землевладельцем, он должен был одно из двух: или отказаться от своей собственности, как он сделал это десять лет тому назад по отношению двухсот десятин отцовской земли, или молчаливым соглашением признать все свои прежние мысли ошибочными и ложными.

Первого он не мог сделать, потому что у него не было никаких, кроме земли, средств существования. Служить он не хотел, а между тем уже были усвоены роскошные привычки жизни, от которых он считал, что не может отстать. Да и незачем было, так как не было уже ни той силы убеждения, ни той решимости, ни того тщеславия и желания удивить, которые были в молодости. Второе же – отречься от тех ясных и неопровержимых доводов о незаконности владения землею, которые он тогда почерпнул из «Социальной статики» Спенсера и блестящее подтверждение которым он нашел потом, уже много после, в сочинениях Генри Джорджа, – он никак не мог.

И от этого письмо управляющего было неприятно ему.

⁴ «Социальная статика» (англ.).

IV

Напившись кофею, Нехлюдов пошел в кабинет, чтобы справиться в повестке, в котором часу надо быть в суде, и написать ответ княжне. В кабинет надо было пройти через мастерскую. В мастерской стоял мольберт с перевернутой начатой картиной и развешаны были этюды. Вид этой картины, над которой он бился два года, и этюдов, и всей мастерской напомнили ему испытанное с особенной силой в последнее время чувство бессилия идти дальше в живописи. Он объяснял это чувство слишком тонко развитым эстетическим чувством, но все-таки сознание это было очень неприятно.

Семь лет тому назад он бросил службу, решив, что у него есть призвание к живописи, и с высоты художественной деятельности смотрел несколько презрительно на все другие деятельности. Теперь оказывалось, что он на это не имел права. И потому всякое воспоминание об этом было неприятно. Он с тяжелым чувством посмотрел на все эти роскошные приспособления мастерской и в невеселом расположении духа вошел в кабинет. Кабинет был очень большая, высокая комната, со всякого рода украшениями, приспособлениями и удобствами.

Тотчас же найдя в ящике огромного стола, под отделом *срочные*, повестку, в которой значилось, что в суде надо было быть в одиннадцать, Нехлюдов сел писать княжне записку о том, что он благодарит за приглашение и постарается приехать к обеду. Но, написав одну записку, он разорвал ее: было слишком интимно; написал другую – было холодно, почти оскорбительно. Он опять разорвал и пожал в стене пуговку. В двери вошел в сером коленкором фартуке пожилой, мрачного вида, бритый, с бакенбардами лакей.

– Пожалуйста, пошлите за извозчиком.

– Слушаю-с.

– Да скажите – тут дожидаются от Корчагиных, – что благодарю, постараюсь быть.

– Слушаю.

«Неучтиво, но не могу писать. Все равно увижусь с ней нынче», – подумал Нехлюдов и пошел одеваться.

Когда он, одевшись, вышел на крыльцо, знакомый извозчик на резиновых шинах уже ожидал его.

– А вчера, вы только уехали от князя Корчагина, – сказал извозчик, полуоборачивая свою крепкую загорелую шею в белом вороте рубахи, – и я приехал, а швейцар говорит: «Только вышли».

«И извозчики знают о моих отношениях к Корчагиным», – подумал Нехлюдов, и нерешенный вопрос, занимавший его постоянно в последнее время: следует или не следует жениться на Корчагиной, стал перед ним, и он, как в большинстве вопросов, представлявшихся ему в это время, никак, ни в ту, ни в другую сторону, не мог решить его.

В пользу женитьбы вообще было, во-первых, то, что женитьба, кроме приятностей домашнего очага, устраняя неправильность половой жизни, давала возможность нравственной жизни; во-вторых, и главное, то, что Нехлюдов надеялся, что семья, дети дадут смысл его теперь бессодержательной жизни. Это было за женитьбу вообще. Против же женитьбы вообще было, во-первых, общий всем немолодым холостякам страх за лишение свободы и, во-вторых, бессознательный страх перед таинственным существом женщины.

В пользу же, в частности, женитьбы именно на Мисси (Корчагину звали Мария, и, как во всех семьях известного круга, ей дали прозвище) было, во-первых, то, что она была порода и во всем, от одежды до манеры говорить, ходить, смеяться, выделялась от простых людей не чем-нибудь исключительным, а «порядочностью», – он не знал другого выражения этого свойства и ценил это свойство очень высоко; во-вторых, еще то, что она выше всех других людей ценила его, стало быть, по его понятиям, понимала его. И это понимание его,

то есть признание его высоких достоинств, свидетельствовало для Нехлюдова об ее уме и верности суждения. Против же женитьбы на Мисси, в частности, было, во-первых, то, что очень вероятно можно бы было найти девушку, имеющую еще гораздо больше достоинств, чем Мисси, и потому более достойную его, и, во-вторых, то, что ей было двадцать семь лет, и потому, наверное, у нее были уже прежние любви, – и эта мысль была мучительной для Нехлюдова. Гордость его не мирилась с тем, чтобы она даже в прошедшем могла любить не его. Разумеется, она не могла знать, что она встретит его, но одна мысль о том, что она могла любить кого-нибудь прежде, оскорбляла его.

Так что доводов было столько же за, сколько и против; по крайней мере по силе своей доводы эти были равны, и Нехлюдов, смеясь сам над собою, называл себя буридановым ослом. И все-таки оставался им, не зная, к какой из двух вязанок обратиться.

«Впрочем, не получив ответа от Марьи Васильевны (жены предводителя), не покончив совершенно с тем, я и не могу ничего предпринять», – сказал он себе.

И это сознание того, что он может и должен медлить решением, было приятно ему.

«Впрочем, это все я обдумаю после», – сказал он себе, когда его пролетка совсем уже беззвучно подкатилась к асфальтовому подъезду суда.

«Теперь надо добросовестно, как я всегда делаю и считаю должным, исполнить общественную обязанность. Притом же это часто бывает и интересно», – сказал он себе и вошел мимо швейцара в сени суда.

V

В коридорах суда уже шло усиленное движение, когда Нехлюдов вошел в него.

Сторожа то быстро ходили, то рысью даже, не поднимая ног от пола, но шмыгая ими, запыхавшись, бегали взад и вперед с поручениями и бумагами. Пристав, адвокаты и судейские проходили то туда, то сюда, просители или подсудимые не под стражей уныло бродили у стен или сидели, дожидаясь.

– Где окружный суд? – спросил Нехлюдов у одного из сторожей.

– Какой вам? Есть гражданское отделение, есть судебная палата.

– Я присяжный.

– Уголовное отделение. Так бы и сказали. Сюда направо, потом налево и вторая дверь.

Нехлюдов пошел по указанию.

У указанной двери стояли два человека, дожидаясь: один был высокий, толстый купец, добродушный человек, который, очевидно, выпил и закусил и был в самом веселом расположении духа; другой был приказчик еврейского происхождения. Они разговаривали о цене шерсти, когда к ним подошел Нехлюдов и спросил, здесь ли комната присяжных.

– Здесь, сударь, здесь. Тоже наш брат, присяжный? – весело подмигивая, спросил добродушный купец. – Ну что же, вместе потрудимся, – продолжал он на утвердительный ответ Нехлюдова, – второй гильдии Баклашов, – сказал он, подавая мягкую широкую несжимающуюся руку, – потрудиться надо. С кем имею удовольствие?

Нехлюдов назвал и прошел в комнату присяжных.

В небольшой комнате присяжных было человек десять разного сорта людей. Все только пришли, и некоторые сидели, другие ходили, разглядывая друг друга и знакомясь. Был один отставной в мундире, другие в сюртуках, в пиджаках, один только был в поддевке.

На всех был, – несмотря на то, что многих это оторвало от дела и что они говорили, что тяготеют этим, – на всех был отпечаток некоторого удовольствия сознания совершения общественного важного дела.

Присяжные, кто познакомившись, а кто так, только догадываясь, кто – кто, разговаривали между собой о погоде, о ранней весне, о предстоящих делах. Те, кто не были знакомы, поспешили познакомиться с Нехлюдовым, очевидно считая это за особую честь. И Нехлюдов, как и всегда среди незнакомых людей, принимал это как должное. Если бы его спросили, почему он считает себя выше большинства людей, он не мог бы ответить, так как вся его жизнь не являла никаких особенных достоинств. То же, что он выговаривал хорошо по-английски, по-французски и по-немецки, что на нем было белье, одежда, галстук и запонки от самых первых поставщиков этих товаров, никак не могло служить – он сам понимал – причиной признания своего превосходства. А между тем он несомненно признавал это свое превосходство и принимал выказываемые ему знаки уважения как должное и оскорблялся, когда этого не было. В комнате присяжных ему как раз пришлось испытать это неприятное чувство от выказанного ему неуважения. В числе присяжных нашелся знакомый Нехлюдова. Это был Петр Герасимович (Нехлюдов никогда и не знал и даже немного хвастал тем, что не знает его фамилии), бывший учитель детей его сестры. Петр Герасимович этот кончил курс и был теперь учителем гимназии. Он всегда был невыносим Нехлюдову своей фамильярностью, своим самодовольным хохотом, вообще своей «коммунностью», как говорила сестра Нехлюдова.

– А, и вы попали, – с громким хохотом встретил Петр Герасимович Нехлюдова. – Не отвертись?

– Я и не думал отвертываться, – строго и уныло сказал Нехлюдов.

– Ну, это гражданская доблесть. Погодите, как проголодаетесь да спать не дадут, не то запоете! – еще громче хохоча, заговорил Петр Герасимович.

«Этот протоиереев сын сейчас станет мне «ты» говорить», – подумал Нехлюдов и, выразив на своем лице такую печаль, которая была бы естественна только, если бы он сейчас узнал о смерти всех родных, отошел от него и приблизился к группе, образовавшейся около бритого высокого представительного господина, что-то оживленно рассказывавшего. Господин этот говорил о процессе, который шел теперь в гражданском отделении, как о хорошо знакомом ему деле, называя судей и знаменитых адвокатов по имени и отчеству. Он рассказывал про тот удивительный оборот, который умел дать делу знаменитый адвокат и по которому одна из сторон, старая барыня, несмотря на то, что она была совершенно права, должна будет ни за что заплатить большие деньги противной стороне.

– Гениальный адвокат! – говорил он.

Его слушали с уважением, и некоторые старались вставить свои замечания, но он всех обрывал, как будто он один мог знать все по-настоящему.

Несмотря на то, что Нехлюдов приехал поздно, пришлось долго дожидаться. Задерживал дело до сих пор не приехавший один из членов суда.

VI

Председательствующий приехал в суд рано. Председательствующий был высокий, полный человек с большими седеющими бакенбардами. Он был женат, но вел очень распущенную жизнь, так же как и его жена. Они не мешали друг другу. Нынче утром он получил записку от швейцарки-гувернантки, жившей у них в доме летом и теперь проезжавшей с юга в Петербург, что она будет в городе между тремя и шестью часами ждать его в гостинице «Италия». И потому ему хотелось начать и кончить раньше заседание нынешнего дня, с тем чтобы до шести успеть посетить эту рыженькую Клару Васильевну, с которой у него прошлым летом на даче завязался роман.

Войдя в кабинет, он защелкнул дверь, достал из шкафа с бумагами с нижней полки две галтеры (гири) и сделал двадцать движений вверх, вперед, вбок и вниз и потом три раза легко присел, держа галтеры над головой.

«Ничто так не поддерживает, как обливание водою и гимнастика», – подумал он, ощупывая левой рукой с золотым кольцом на безымяннике напряженный бицепс правой. Ему оставалось еще сделать мулине (он всегда делал эти два движения перед долгим сидением заседания), когда дверь дрогнула. Кто-то хотел отворить ее. Председатель поспешно положил гири на место и отворил дверь.

– Извините, – сказал он.

В комнату вошел один из членов, в золотых очках, невысокий, с поднятыми плечами и нахмуренным лицом.

– Опять Матвея Никитича нет, – сказал член недовольно.

– Нет еще, – надевая мундир, отвечал председатель. – Вечно опаздывает.

– Удивительно, как не совестно, – сказал член и сердито сел, доставая папиросы.

Член этот, очень аккуратный человек, нынче утром имел неприятное столкновение с женой за то, что жена израсходовала раньше срока данные ей на месяц деньги. Она просила дать ей вперед, но он сказал, что не отступит от своего. Вышла сцена. Жена сказала, что если так, то и обеда не будет, чтобы он и не ждал обеда дома. На этом он уехал, боясь, что она сдержит свою угрозу, так как от нее всего можно было ожидать. «Вот и живи хорошей, нравственной жизнью, – думал он, глядя на сияющего, здорового, веселого и добродушного председателя, который, широко расставляя локти, красивыми белыми руками расправлял густые и длинные седеющие бакенбарды по обеим сторонам шитого воротника, – он всегда доволен и весел, а я мучаюсь».

Вошел секретарь и принес какое-то дело.

– Очень вам благодарен, – сказал председатель и закурил папироску. – Какое же дело пустим первым?

– Да я думаю, отравление, – как будто равнодушно сказал секретарь.

– Ну, хорошо, отравление так отравление, – сказал председатель, сообразив, что это такое дело, которое можно кончить до четырех часов, а потом уехать. – А Матвея Никитича нет?

– Все нет.

– А Бреве здесь?

– Здесь, – отвечал секретарь.

– Так скажите ему, если увидите, что мы начнем с отравления.

Бреве был тот товарищ прокурора, который должен был обвинять в этом заседании.

Выйдя в коридор, секретарь встретил Бреве. Подняв высоко плечи, он, в расстегнутом мундире, с портфелем под мышкой, чуть не бегом, постукивая каблуками и махая свободной

рукой так, что плоскость руки была перпендикулярна к направлению его хода, быстро шагнул по коридору.

– Михаил Петрович просил узнать, готовы ли вы, – спросил у него секретарь.

– Разумеется, я всегда готов, – сказал товарищ прокурора. – Какое дело первое?

– Отравление.

– И прекрасно, – сказал товарищ прокурора, но он вовсе не находил этого прекрасным: он не спал всю ночь. Они провожали товарища, много пили и играли до двух часов, а потом поехали к женщинам в тот самый дом, в котором шесть месяцев тому назад еще была Маслова, так что именно дело об отравлении он не успел прочесть и теперь хотел пробежать его. Секретарь же нарочно, зная, что он не читал дела об отравлении, посоветовал председателю пустить его первым. Секретарь был либерального, даже радикального образа мыслей человек. Бреве же был консервативен и даже, как все служащие в России немцы, особенно предан православию, и секретарь не любил его и завидовал его месту.

– Ну, а как же о скопцах? – спросил секретарь.

– Я сказал, что не могу, – сказал товарищ прокурора, – за отсутствием свидетелей, так и заявлю суду.

– Да ведь все равно...

– Не могу, – сказал товарищ прокурора и, так же махая рукой, пробежал в свой кабинет.

Он откладывал дело о скопцах за отсутствием совсем неважного и ненужного для дела свидетеля только потому, что дело это, слушаясь в суде, где состав присяжных был интеллигентный, могло кончиться оправданием. По уговору же с председателем дело это должно было перенестись на сессию уездного города, где будут больше крестьяне, и потому больше шансов обвинения.

Движение по коридору все усиливалось. Больше всего народа было около залы гражданского отделения, в которой шло то дело, о котором говорил представительный господин присяжным, охотник до судейских дел. В сделанный перерыв из этой залы вышла та самая старушка, у которой гениальный адвокат сумел отнять ее имущество в пользу дельца, не имевшего на это имущество никакого права, – это знали и судьи, а тем более истец и его адвокат; но придуманный ими ход был такой, что нельзя было не отнять имущество у старушки и не отдать его дельцу. Старушка была толстая женщина в нарядном платье и с огромными цветами на шляпке. Она, выйдя из двери, остановилась в коридоре и, разводя толстыми, короткими руками, все повторяла: «Что ж это будет? Сделайте милость! Что ж это?» – обращаясь к своему адвокату. Адвокат смотрел на цветы на ее шляпке и не слушал ее, что-то соображая.

Вслед за старушкой из двери залы гражданского отделения, сияя пластроном широко раскрытого жилета и самодовольным лицом, быстро вышел тот самый знаменитый адвокат, который сделал так, что старушка с цветами осталась ни при чем, а делец, давший ему десять тысяч рублей, получил больше ста тысяч. Все глаза обратились на адвоката, и он чувствовал это и всей наружностью своей как бы говорил: «Не нужно никаких выражений преданности», – и быстро прошел мимо всех.

VII

Наконец приехал и Матвей Никитич, и судебный пристав, худой человек с длинной шеей и походкой набок и также набок выставляемой нижней губой, вошел в комнату присяжных.

Судебный пристав этот был честный человек, университетского образования, но не мог нигде удержаться на месте, потому что пил запоем. Три месяца тому назад одна графиня, покровительница его жены, устроила ему это место, и он до сих пор держался на нем и радовался этому.

– Что же, господа, собрались все? – сказал он, надевая *pinse-nez* и глядя через него.

– Все, кажется, – сказал веселый купец.

– Вот проверим, – сказал судебный пристав и, достав из кармана лист, стал перекликать, глядя на вызываемых то через *pinse-nez*, то сквозь него.

– Статский советник И. М. Никифоров.

– Я, – сказал представительный господин, знавший все судейские дела.

– Отставной полковник Иван Семенович Иванов.

– Здесь, – отозвался худой человек в отставном мундире.

– Купец второй гильдии Петр Баклашов.

– Есть, – сказал добродушный купец, улыбаясь во весь рот. – Готовы!

– Гвардии поручик князь Дмитрий Нехлюдов.

– Я, – отвечал Нехлюдов.

Судебный пристав особенно учтиво и приятно, глядя поверх *pinse-nez*, поклонился, как будто выделяя его этим от других.

– Капитан Юрий Дмитриевич Данченко, купец Григорий Ефимович Кулешов, – и т. д., и т. д.

Все, кроме двух, были в сборе.

– Теперь пожалуйста, господа, в залу, – приятным жестом указывая на дверь, сказал пристав.

Все тронулись и, пропуская друг друга в дверях, вышли в коридор и из коридора в залу заседания.

Зала суда была большая, длинная комната. Один конец ее был занят возвышением, к которому вели три ступеньки. На возвышении посередине стоял стол, покрытый зеленым сукном с более темной зеленой бахромой. Позади стола стояли три кресла с очень высокими дубовыми резными спинками, а за креслами висел в золотой раме яркий портрет во весь рост генерала в мундире и ленте, отставившего ногу и держащегося за саблю. В правом углу висел киот с образом Христа в терновом венке и стоял аналой, и в правой же стороне стояла конторка прокурора. С левой стороны, против конторки, был в глубине столик секретаря, а ближе к публике – точеная дубовая решетка и за нею еще не занятая скамья подсудимых. С правой стороны на возвышении стояли в два ряда стулья тоже с высокими спинками, для присяжных, внизу столы для адвокатов. Все это было в передней части залы, разделявшейся решеткой надвое. Задняя же часть вся занята была скамьями, которые, возвышаясь один ряд над другим, шли до задней стены. В задней части залы, на передних лавках, сидели четыре женщины, вроде фабричных или горничных, и двое мужчин, тоже из рабочих, очевидно подавленных величием убранства залы и потому робко перешептывавшихся между собой.

Скоро после присяжных судебный пристав односторонней походкой вышел на середину и громким голосом, которым он точно хотел испугать присутствующих, прокричал:

– Суд идет!

Все встали, и на возвышение залы вышли судьи: председательствующий с своими мускулами и прекрасными бакенбардами; потом мрачный член суда в золотых очках, который теперь был еще мрачнее оттого, что перед самым заседанием он встретил своего шурина, кандидата на судебные должности, который сообщил ему, что он был у сестры, и сестра объявила ему, что обеда не будет.

– Так что, видно, в кабачок поедem, – сказал шурин, смеясь.

– Ничего нет смешного, – сказал мрачный член суда и сделался еще мрачнее.

И, наконец, третий член суда, тот самый Матвей Никитич, который всегда опаздывал, – этот член был бородатый человек с большими, вниз оттянутыми добрыми глазами. Член этот страдал катаром желудка и с нынешнего утра начал, по совету доктора, новый режим, и этот новый режим задержал его нынче дома еще дольше обыкновенного. Теперь, когда он входил на возвышение, он имел сосредоточенный вид, потому что у него была привычка загадывать всеми возможными средствами на вопросы, которые он задавал себе. Теперь он загадал, что если число шагов до кресла от двери кабинета будет делиться на три без остатка, то новый режим вылечит его от катара, если же не будет делиться, то нет. Шагов было двадцать шесть, но он сделал маленький шажок и ровно на двадцать седьмом подошел к креслу.

Фигуры председателя и членов, вышедших на возвышение в своих расшитых золотом воротниках мундиров, были очень внушительны. Они сами чувствовали это, и все трое, как бы смущенные своим величием, поспешно и скромно опуская глаза, сели на свои резные кресла за покрытый зеленым сукном стол, на котором возвышался треугольный инструмент с орлом, стеклянные вазы, в которых бывают в буфетах конфеты, чернильница, перья и лежала бумага чистая и прекрасная и вновь очиненные карандаши разных размеров. Вместе с судьями вошел и товарищ прокурора. Он так же поспешно, с портфелем под мышкой, и так же махая рукой, прошел к своему месту у окна и тотчас же погрузился в чтение и пересматривание бумаг, пользуясь каждой минутой для того, чтобы приготовиться к делу. Прокурор этот только что четвертый раз обвинял. Он был очень честолобив и твердо решил сделать карьеру и потому считал необходимым добиваться обвинения по всем делам, по которым он будет обвинять. Сущность дела об отравлении он знал в общих чертах и составил уже план речи, но ему нужны были еще некоторые данные, и их-то он теперь поспешно и выписывал из дела.

Секретарь сидел на противоположном конце возвышения и, подготовив все те бумаги, которые могут понадобиться для чтения, просматривал запрещенную статью, которую он достал и читал вчера. Ему хотелось поговорить об этой статье с членом суда с большой бородой, разделяющим его взгляды, и прежде разговора хотелось ознакомиться с нею.

VIII

Председатель, просмотрев бумаги, сделал несколько вопросов судебному приставу и секретарю и, получив утвердительные ответы, распорядился о приводе подсудимых. Тотчас же дверь за решеткой отворилась, и вошли в шапках два жандарма с оголенными саблями, а за ними сначала один подсудимый, рыжий мужчина с веснушками, и две женщины. Мужчина был одет в арестантский халат, слишком широкий и длинный для него. Входя в суд, он держал руки с оттопыренными большими пальцами, напряженно вытянутыми по швам, придерживая этим положением спускавшиеся слишком длинные рукава. Он, не взглядывая на судей и зрителей, внимательно смотрел на скамью, которую обходил. Обойдя ее, он аккуратно, с края, давая место другим, сел на нее и, вперив глаза в председателя, точно шепча что-то, стал шевелить мускулами в щеках. За ним вошла немолодая женщина, также одетая в арестантский халат. Голова женщины была повязана арестантской косынкой, лицо было серо-белое, без бровей и ресниц, но с красными глазами. Женщина эта казалась совершенно спокойной. Проходя на свое место, халат ее зацепился за что-то, она старательно, не торопясь, выпростала его и села.

Третья подсудимая была Маслова.

Как только она вошла, глаза всех мужчин, бывших в зале, обратились на нее и долго не отрывались от ее белого с черными глянцеви́то-блестящими глазами лица и выступавшей под халатом высокой груди. Даже жандарм, мимо которого она проходила, не спуская глаз, смотрел на нее, пока она проходила и усаживалась, и потом, когда она уселась, как будто сознавая себя виновным, поспешно отвернулся и, встряхнувшись, уперся глазами в окно прямо перед собой.

Председатель подождал, пока подсудимые заняли свои места, и, как только Маслова уселась, обратился к секретарю.

Началась обычная процедура: перечисление присяжных заседателей, рассуждение о неявившихся, наложение на них штрафов и решение о тех, которые отпрашивались, и пополнение неявившихся запасными. Потом председатель сложил билетики, вложил их в стеклянную вазу и стал, немного засучив шитые рукава мундира и обнажив сильно поросшие волосами руки, с жестами фокусника, вынимать по одному билетику, раскатывать и читать их. Потом председатель спустил рукава и предложил священнику привести заседателей к присяге.

Старичок священник, с опухшим желто-бледным лицом, в коричневой рясе с золотым крестом на груди и еще каким-то маленьким орденом, приколотым сбоку на рясе, медленно под рясой передвигая свои опухшие ноги, подошел к аналою, стоящему под образом.

Присяжные встали и, толпясь, двинулись к аналою.

– Пожалуйте, – проговорил священник, потрогивая пухлой рукой свой крест на груди и ожидая приближения всех присяжных.

Священник этот священствовал сорок шесть лет и собирался через три года отпраздновать свой юбилей так же, как его недавно отпраздновал соборный протоиерей. В окружном же суде он служил со времени открытия судов и очень гордился тем, что он привел к присяге несколько десятков тысяч человек и что в своих преклонных годах он продолжал трудиться на благо церкви, отечества и семьи, которой он оставит, кроме дома, капитал не менее тридцати тысяч в процентных бумагах. То же, что труд его в суде, состоящий в том, чтобы приводить людей к присяге над Евангелием, в котором прямо запрещена присяга, был труд нехороший, никогда не приходило ему в голову, и он не только не тяготился этим, но любил это привычное занятие, часто при этом знакомясь с хорошими господами. Теперь он не без удовольствия познакомился с знаменитым адвокатом, внушавшим ему большое ува-

жение тем, что за одно только дело старушки с огромными цветами на шляпке он получил десять тысяч рублей.

Когда присяжные все взошли по ступенькам на возвышение, священник, нагнув набок лысую и седую голову, пролез ею в насаленную дыру епитрахили и, оправив жидкие волосы, обратился к присяжным.

– Правую руку поднимите, а персты сложите так вот, – сказал он медленно старческим голосом, поднимая пухлую руку с ямочками над каждым пальцем и складывая эти пальцы в щепоть. – Теперь повторяйте за мной, – сказал он и начал: – Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и животворящим крестом Господним, что по делу, по которому... – говорил он, делая перерыв после каждой фразы. – Не опускайте руки, держите так, – обратился он к молодому человеку, опустившему руку, – что по делу, по которому...

Представительный господин с бакенбардами, полковник, купец и другие держали руки с сложенными перстами так, как этого требовал священник, как будто с особенным удовольствием, очень определенно и высоко, другие как будто неохотно и неопределенно. Одни слишком громко повторяли слова, как будто с задором и выражением, говорящим: «А я все-таки буду и буду говорить», другие же только шептали, отставали от священника и потом, как бы испугавшись, не вовремя догоняли его; одни крепко-крепко, как бы боясь, что выпустят что-то, вызывающими жестами держали свои щепотки, а другие распускали их и опять собирали. Всем было неловко, один только старичок священник был, несомненно, убежден, что он делает очень полезное и важное дело. После присяги председатель предложил присяжным выбрать старшину. Присяжные встали и, теснясь, прошли в совещательную комнату, где почти все они тотчас достали папиросы и стали курить. Кто-то предложил старшиной представительного господина, и все тотчас же согласились и, побросав и потушив окурки, вернулись в залу. Выбранный старшина объявил председателю, кто избран старшиной, и все опять, шагая через ноги друг другу, уселись в два ряда на стулья с высокими спинками.

Все шло без задержек, скоро и не без торжественности, и эта правильность, последовательность и торжественность, очевидно, доставляли удовольствие участвующим, подтверждая в них сознание, что они делают серьезное и важное общественное дело. Это чувство испытывал и Нехлюдов.

Как только присяжные уселись, председатель сказал им речь об их правах, обязанностях и ответственности. Говоря свою речь, председатель постоянно переменил позу: то облокачивался на левую, то на правую руку, то на спинку, то на ручки кресел, то уравнивал края бумаги, то гладил разрезной нож, то ощупывал карандаш.

Права их, по его словам, состояли в том, что они могут спрашивать подсудимых через председателя, могут иметь карандаш и бумагу и могут осматривать вещественные доказательства. Обязанность состояла в том, чтобы они судили не ложно, а справедливо. Ответственность же их состояла в том, что в случае несоблюдения тайны совещаний и установления сношений с посторонними они подвергались наказанию.

Все слушали с почтительным вниманием. Купец, распространяя вокруг себя запах вина и удерживая шумную отрывку, на каждую фразу одобрительно кивал головою.

IX

Окончив свою речь, председатель обратился к подсудимым.

– Симон Картинкин, встаньте, – сказал он.

Симон нервно вскочил. Мускулы щек зашевелились еще быстрее.

– Ваше имя?

– Симон Петров Картинкин, – быстро проговорил он трескучим голосом, очевидно вперед приготовившись к ответу.

– Ваше звание?

– Крестьяне.

– Какой губернии, уезда?

– Тульской губернии, Крапивенского уезда, волости Купянской, села Борки.

– Сколько вам лет?

– Тридцать четвертый, рожден в тысяча восемьсот...

– Веры какой?

– Веры мы русской, православной.

– Женат?

– Никак нет-с.

– Чем занимаетесь?

– Занимались мы по коридору в гостинице «Мавритания».

– Судились когда прежде?

– Никогда не сужден, потому как мы жили прежде...

– Не судились прежде?

– Помилуй Бог, никогда.

– Копию с обвинительного акта получили?

– Получили.

– Садитесь. Евфимия Иванова Бочкова, – обратился председатель к следующей подсудимой.

Но Симон продолжал стоять и заслонял Бочкову.

– Картинкин, сядьте.

Картинкин все стоял.

– Картинкин, сядьте!

Но Картинкин все стоял и сел только тогда, когда подбежавший пристав, склонив голову набок и неестественно раскрывая глаза, трагическим шепотом проговорил: «Сидеть, сидеть!»

Картинкин сел так же быстро, как он встал, и, запахнувшись халатом, стал опять беззвучно шевелить щеками.

– Ваше имя? – со вздохом усталости обратился председатель ко второй подсудимой, не глядя на нее и о чем-то справляясь в лежащей перед ним бумаге. Дело было настолько привычное для председателя, что для убыстрения хода дел он мог делать два дела разом.

Бочковой было сорок три года, звание – коломенская мещанка, занятие – коридорная в той же гостинице «Мавритания». Под судом и следствием не была, копию с обвинительного акта получила. Ответы свои выговаривала Бочкова чрезвычайно смело и с такими интонациями, точно она к каждому ответу приговаривала: «Да, Евфимия, и Бочкова, копию получила, и горжусь этим, и смеяться никому не позволю». Бочкова, не дожидаясь того, чтобы ей сказали сесть, тотчас же села, как только кончились вопросы.

– Ваше имя? – обратился женолюбивый председатель как-то особенно приветливо к третьей подсудимой. – Надо встать, – прибавил он мягко и ласково, заметив, что Маслова сидела.

Маслова быстрым движением встала и с выражением готовности, выставя свою высокую грудь, не отвечая, глядела прямо в лицо председателя своими улыбающимися и немного косящими черными глазами.

– Звать как?

– Любовью, – проговорила она быстро.

Нехлюдов между тем, надев *pinse-nez*, глядел на подсудимых по мере того, как их допрашивали. «Да не может быть, – думал он, не спуская глаз с лица подсудимой, – но как же Любовь?», – думал он, услышав ее ответ.

Председатель хотел спрашивать дальше, но член в очках, что-то сердито прошептав, остановил его. Председатель сделал головой знак согласия и обратился к подсудимой.

– Как Любовью? – сказал он. – Вы записаны иначе.

Подсудимая молчала.

– Я вас спрашиваю, как ваше настоящее имя.

– Крещена как? – спросил сердитый член.

– Прежде звали Катериной.

«Да не может быть», – продолжал себе говорить Нехлюдов, и между тем он уже без всякого сомнения знал, что это была она, та самая девушка, воспитанница-горничная, в которую он одно время был влюблен, именно влюблен, а потом в каком-то безумном чаду соблазнил и бросил и о которой потом никогда не вспоминал, потому что воспоминание это было слишком мучительно, слишком явно обличало его и показывало, что он, столь гордый своей порядочностью, не только не порядочно, но прямо подло поступил с этой женщиной.

Да, это была она. Он видел теперь ясно ту исключительную, таинственную особенность, которая отделяет каждое лицо от другого, делает его особенным, единственным, неповторяемым. Несмотря на неестественную белизну и полноту лица, особенность эта, милая, исключительная особенность, была в этом лице, в губах, в немного косивших глазах и, главное, в этом наивном, улыбающемся взгляде и в выражении готовности не только в лице, но и во всей фигуре.

– Вы так и должны были сказать, – опять-таки особенно мягко сказал председатель. – Отчество как?

– Я – незаконная, – проговорила Маслова.

– Все-таки по крестному отцу как звали?

– Михайловой.

«И что могла она сделать?» – продолжал думать между тем Нехлюдов, с трудом переводя дыхание.

– Фамилия, прозвище ваше как? – продолжал председатель.

– Писали по матери Масловой.

– Звание?

– Мещанка.

– Веры православной?

– Православной.

– Занятие? Чем занимались?

Маслова молчала.

– Чем занимались? – повторил председатель.

– В заведении была, – сказала она.

– В каком заведении? – строго спросил член в очках.

– Вы сами знаете, в каком, – сказала Маслова, улыбнулась и тотчас же, быстро оглянувшись, опять прямо уставилась на председателя.

Что-то было такое необыкновенное в выражении лица и страшное, и жалкое в значении сказанных ею слов, в этой улыбке и в том быстром взгляде, которым она окинула при этом залу, что председатель потупился, и в зале на минуту установилась совершенная тишина. Тишина была прервана чьим-то смехом из публики. Кто-то зашикал. Председатель поднял голову и продолжал вопросы:

– Под судом и следствием не были?

– Не была, – тихо проговорила Маслова, вздыхая.

- Копию с обвинительного акта получили?
- Получила.
- Сядьте, – сказал председатель.

Подсудимая подняла юбку сзади тем движением, которым нарядные женщины оправляют шлейф, и села, сложив белые небольшие руки в рукавах халата, не спуская глаз с председателя.

Началось перечисление свидетелей, удаление свидетелей, решение об эксперте-докторе и приглашение его в залу заседания. Потом встал секретарь и начал читать обвинительный акт. Читал он внятно и громко, но так быстро, что голос его, неправильно выговаривавший *л* и *р*, сливался в один непрерывающийся, усыпительный гул. Судьи облакачивались то на одну, то на другую ручку кресел, то на стол, то на спинку, то закрывали глаза, то открывали их и перешептывались. Один жандарм несколько раз удерживал начинающуюся судорогу зевоты.

Из подсудимых Картинкин не переставая шевелил щеками. Бочкова сидела совершенно спокойно и прямо, изредка почесывая пальцем под косынкой голову.

Маслова то сидела неподвижно, слушая чтеца и смотря на него, то вздрагивала и как бы хотела возражать, краснела и потом тяжело вздыхала, переменяла положение рук, оглядывалась и опять уставлялась на чтеца.

Нехлюдов сидел в первом ряду на своем высоком стуле, вторым от края, и, снимая *pinse-nez*, смотрел на Маслову, и в душе его шла сложная и мучительная работа.

Х

Обвинительный акт был такой:

– «17 января 188* года в гостинице «Мавритания» скоропостижно умер приезжий – курганский 2-й гильдии купец Ферапонт Емельянович Смельков.

Местный полицейский врач 4-го участка удостоверил, что смерть произошла от разрыва сердца, вызванного чрезмерным употреблением спиртных напитков. Тело Смелькова было предано земле.

По прошествии нескольких дней возвратившийся из Петербурга купец Тимохин, земляк и товарищ Смелькова, узнав обстоятельства, сопровождавшие кончину Смелькова, заявил подозрение в отравлении его с целью похищения бывших при нем денег.

Подозрение это нашло себе подтверждение на предварительном следствии, коим установлено: 1) что Смельков незадолго до смерти получил из банка 3800 рублей серебром. Между тем при описи имущества покойного в порядке охранительном оказалось в наличности только 312 рублей 16 копеек. 2) Весь день накануне и всю последнюю перед смертью ночь Смельков провел с проституткой Любкой (Екатериной Масловой) в доме терпимости и в гостинице «Мавритания», куда, по поручению Смелькова и в отсутствие его, Екатерина Маслова приезжала из дома терпимости за деньгами, кои достала из чемодана Смелькова, отомкнув его данным ей Смельковым ключом, в присутствии коридорной прислуги гостиницы «Мавритании» Евфимии Бочковой и Симона Картинкина. В чемодане Смелькова, при отмыкании его Масловой, присутствовавшие при этом Бочкова и Картинкин видели пачки кредитных билетов сторублевого достоинства. 3) По возвращении Смелькова из дома терпимости в гостиницу «Мавритания» вместе с проституткой Любкой сия последняя, по совету коридорного Картинкина, дала выпить Смелькову в рюмке коньяка белый порошок, полученный ею от Картинкина. 4) На следующее утро проститутка Любка (Екатерина Маслова) продала своей хозяйке, содержательнице дома терпимости свидетельнице Китаевой, брильянтовый перстень Смелькова, якобы подаренный ей Смельковым. 5) Коридорная девушка гостиницы «Мавритания» Евфимия Бочкова на другой день после кончины Смелькова внесла на свой текущий счет в местный коммерческий банк 1800 рублей серебром.

Судебно-медицинским осмотром, вскрытием трупа и химическим исследованием внутренностей Смелькова обнаружено несомненное присутствие яда в организме покойного, подавшее основание заключить, что смерть последовала от отравления.

Привлеченные в качестве обвиняемых Маслова, Бочкова и Картинкин виновными себя не признали, объявив: Маслова – что она действительно была послана Смельковым из дома терпимости, где она, по ее выражению, работает, в гостиницу «Мавританию» привезти купцу денег, и что, отперев там данным ей ключом чемодан купца, она взяла из него 40 рублей серебром, как ей было велено, но больше денег не брала, что могут подтвердить Бочкова и Картинкин, в присутствии которых она отпирала и запирала чемодан и брала деньги. Далее показала, что она при вторичном своем приезде в номер купца Смелькова действительно дала ему, по наущению Картинкина, выпить в коньяке каких-то порошков, которые она считала усыпительными, с тем чтобы купец заснул и поскорее отпустил ее. Кольцо подарил ей сам Смельков после того, как он побил ее и она заплакала и хотела от него уехать.

Евфимья Бочкова показала, что она ничего не знает о пропавших деньгах, и что она и в номер купца не входила, а хозяйничала там одна Любка, и что если что и похищено у купца, то совершила похищение Любка, когда она приезжала с купцовым ключом за деньгами. – В этом месте чтения Маслова вздрогнула и, открыв рот, оглянулась на Бочкову. – Когда же Евфимии Бочковой был предъявлен ее счет в банке на 1800 рублей серебром, –

продолжал читать секретарь, – и спрошено: откуда у нее взялись такие деньги, она показала, что они нажиты ею в продолжение двенадцати лет вместе с Симоном Картинкиным, за которого она собиралась выйти замуж. Симон Картинкин, в свою очередь, при первом показании своем сознался, что он вместе с Бочковой, по наущению Масловой, приехавшей с ключом из дома терпимости, похитил деньги и поделился ими с Масловой и Бочковой. – При этом Маслова опять вздрогнула, привскочила даже, багрово покраснела и начала говорить что-то, но судебный пристав остановил ее. – Наконец, – продолжал чтение секретарь, – Картинкин сознался и в том, что дал Масловой порошков для усыпления купца; во вторичном же своем показании отрицал свое участие в похищении денег и передачу порошков Масловой, во всем обвиняя ее одну. О деньгах же, вложенных Бочковою в банк, он показал согласно с ней, что они приобретены вместе с ним двенадцатилетней службой в гостинице от господ, награждавших его за услуги.

Затем следовало в обвинительном акте описание очных ставок, показания свидетелей, мнение экспертов и т. д.

Заключение обвинительного акта было следующее:

– «Ввиду всего вышеизложенного крестьянин села Борков Симон Петров Картинкин 33-х лет, мещанка Евфимия Иванова Бочкова 43-х лет и мещанка Екатерина Михайлова Маслова 27-ми лет обвиняются в том, что они 17-го января 188* года, предварительно согласившись между собой, похитили деньги и перстень купца Смелькова на сумму 2500 рублей серебром и с умыслом лишить его жизни напоили его, Смелькова, ядом, отчего и последовала его, Смелькова, смерть.

Преступление это предусмотрено 4 и 5 пунктами 1453 статьи Уложения о наказаниях. Посему и на основании статьи 201 Устава уголовного судопроизводства крестьянин Симон Картинкин, Евфимия Бочкова и мещанка Екатерина Маслова подлежат суду окружного суда с участием присяжных заседателей».

Так закончил свое чтение длинного обвинительного акта секретарь и, сложив листы, сел на свое место, оправляя обеими руками длинные волосы. Все вздохнули облегченно, с приятным сознанием того, что теперь началось исследование, и сейчас все выяснится, и справедливость будет удовлетворена. Один Нехлюдов не испытывал этого чувства: он весь был поглощен ужасом перед тем, что могла сделать та Маслова, которую он знал невинной и прелестной девочкой десять лет тому назад.

XI

Когда кончилось чтение обвинительного акта, председатель, посоветовавшись с членами, обратился к Картинкину с таким выражением, которое явно говорило, что теперь уже мы всё и наверное узнаем самым подробным образом.

– Крестьянин Симон Картинкин, – начал он, склоняясь налево.

Симон Картинкин встал, вытянув руки по швам и подавшись вперед всем телом, не переставая беззвучно шевелить щеками.

– Вы обвиняетесь в том, что 17 января 188* года вы, в сообществе с Евфимьей Бочковой и Екатериной Масловой, похитили из чемодана купца Смелькова принадлежащие ему деньги и потом принесли мышьяк и уговорили Екатерину Маслову дать купцу Смелькову в вине выпить яду, отчего последовала смерть Смелькова. Признаете ли вы себя виновным? – проговорил он и склонился направо.

– Никак невозможно, потому наше дело служить гостям...

– Вы после скажете. Признаете ли вы себя виновным?

– Никак нет-с. Я только...

– После скажете. Признаете ли вы себя виновным? – спокойно, но твердо повторил председатель.

– Не могу я этого сделать, потому как...

Опять судебный пристав подскочил к Симону Картинкину и трагическим шепотом остановил его.

Председатель, с выражением того, что это дело теперь окончено, переложил локоть руки, в которой он держал бумагу, на другое место и обратился к Евфимье Бочковой.

– Евфимья Бочкова, вы обвиняетесь в том, что 17-го января 188* года в гостинице «Мавритания», вместе с Симоном Картинкиным и Екатериной Масловой, похитили у купца Смелькова из его чемодана его деньги и перстень и, разделив похищенное между собой, опоили, для скрытия своего преступления, купца Смелькова ядом, от которого последовала его смерть. Признаете ли вы себя виновной?

– Не виновата я ни в чем, – бойко и твердо заговорила обвиняемая. – Я и в номер не входила... А как эта паскуда вошла, так она и сделала дело.

– Вы после скажете, – сказал опять так же мягко и твердо председатель. – Так вы не признаете себя виновной?

– Не я брала деньги, и не я поила, я и в номере не была. Если бы я была, я бы ее вышвырнула.

– Вы не признаете себя виновной?

– Никогда.

– Очень хорошо.

– Екатерина Маслова, – начал председатель, обращаясь к третьей подсудимой, – вы обвиняетесь в том, что, приехав из публичного дома в номер гостиницы «Мавритания» с ключом от чемодана купца Смелькова, вы похитили из этого чемодана деньги и перстень, – говорил он, как заученный урок, склоняя между тем ухо к члену слева, который говорил, что по списку вещественных доказательств недостает склянки. – Похитили из чемодана деньги и перстень, – повторил председатель, – и, разделив похищенное и потом вновь приехав с купцом Смельковым в гостиницу «Мавритания», вы дали Смелькову выпить вина с ядом, от которого последовала его смерть. Признаете ли вы себя виновной?

– Ни в чем не виновата, – быстро заговорила она, – как сначала говорила, так и теперь говорю: не брала, не брала и не брала, ничего я не брала, а перстень он мне сам дал...

– Вы не признаете себя виновной в похищении двух тысяч пятисот рублей денег? – сказал председатель.

– Говорю, ничего не брала, кроме сорока рублей.

– Ну, а в том, что дали купцу Смелькову порошки в вине, признаете себя виновной?

– В этом признаю. Только я думала, как мне сказали, что они сонные, что от них ничего не будет. Не думала и не хотела. Перед Богом говорю – не хотела, – сказала она.

– Итак, вы не признаете себя виновной в похищении денег и перстня купца Смелькова, – сказал председатель. – Но признаете, что дали порошки?

– Стало быть, признаю, только я думала, сонные порошки. Я дала только, чтобы он заснул, – не хотела и не думала.

– Очень хорошо, – сказал председатель, очевидно довольный достигнутыми результатами. – Так расскажите, как было дело, – сказал он, облакачиваясь на спинку и кладя обе руки на стол. – Расскажите все, как было. Вы можете чистосердечным признанием облегчить свое положение.

Маслова, все так же прямо глядя на председателя, молчала.

– Расскажите, как было дело.

– Как было? – вдруг быстро начала Маслова. – Приехала в гостиницу, провели меня в номер, там он был, и очень уже пьяный. – Она с особенным выражением ужаса, расширяя глаза, произносила слово *он*. – Я хотела уехать, он не пустил.

Она замолчала, как бы вдруг потеряв нить или вспомнив о другом.

– Ну, а потом?

– Что ж потом? Потом побыла и поехала домой.

В это время товарищ прокурора приподнялся наполовину, неестественно опираясь на один локоть.

– Вы желаете сделать вопрос? – сказал председатель и на утвердительный ответ товарища прокурора жестом показал товарищу прокурора, что он передает ему свое право спрашивать.

– Я желал бы предложить вопрос: была ли подсудимая знакома с Симоном Картинкиным прежде? – сказал товарищ прокурора, не глядя на Маслову.

И, сделав вопрос, сжал губы и нахмурился.

Председатель повторил вопрос. Маслова испуганно уставилась на товарища прокурора.

– С Симоном? Была, – сказала она.

– Я бы желал знать теперь, в чем состояло это знакомство подсудимой с Картинкиным. Часто ли они видались между собой?

– В чем знакомство? Приглашал меня к гостям, а не знакомство, – отвечала Маслова, беспокойно переводя глазами с товарища прокурора на председателя и обратно.

– Я желал бы знать, почему Картинкин приглашал к гостям исключительно Маслову, а не других девушек, – зажмурившись, но с легкой мефистофельской, хитрой улыбкой сказал товарищ прокурора.

– Я не знаю. Почему я знаю, – отвечала Маслова, испуганно оглянувшись вокруг себя и на мгновение остановившись взглядом на Нехлюдове. – Кого хотел, того приглашал.

«Неужели узнала?» – с ужасом подумал Нехлюдов, чувствуя, как кровь приливала ему к лицу; но Маслова, не выделяя его от других, тотчас же отвернулась и опять с испуганным выражением уставилась на товарища прокурора.

– Подсудимая отрицает, стало быть, то, что у нее были какие-либо близкие отношения с Картинкиным? Очень хорошо. Я больше ничего не имею спросить.

И товарищ прокурора тотчас же снял локоть с конторки и стал записывать что-то. В действительности он ничего не записывал, а только обводил пером буквы своей записки, но

он видал, как прокуроры и адвокаты это делают: после ловкого вопроса вписывают в свою речь ремарку, которая должна сокрушить противника.

Председатель не сейчас обратился к подсудимой, потому что он в это время спрашивал члена в очках, согласен ли он на постановку вопросов, которые были уже вперед заготовлены и выписаны.

– Что же дальше было? – продолжал спрашивать председатель.

– Приехала домой, – продолжала Маслова, уже смелее глядя на одного председателя, – отдала хозяйке деньги и легла спать. Только заснула – наша девушка Берта будит меня. «Ступай, твой купец опять приехал». Я не хотела выходить, но мадам велела. Тут *он*, – она опять с явным ужасом выговорила это слово *он*, – *он* все поил наших девушек, потом хотел послать еще за вином, а деньги у него все вышли. Хозяйка ему не поверила. Тогда он меня послал к себе в номер. И сказал, где деньги и сколько взять. Я и поехала.

Председатель шептался в это время с членом налево и не слышал того, что говорила Маслова, но для того, чтобы показать, что он все слышал, он повторил ее последние слова.

– Вы поехали. Ну, и что же? – сказал он.

– Приехала и сделала все, как он велел: пошла в номер. Не одна пошла в номер, а позвала и Симона Михайловича и ее, – сказала она, указывая на Бочкову.

– Врет она, и входить не входила... – начала было Бочкова, но ее остановили.

– При них взяла четыре красненьких, – хмурясь и не глядя на Бочкову, продолжала Маслова.

– Ну, а не заметила ли подсудимая, когда доставала сорок рублей, сколько было денег? – спросил опять прокурор.

Маслова вздрогнула, как только прокурор обратился к ней. Она не знала, как и что, но почувствовала, что он хочет ей зла.

– Я не считала; видела, что были сторублевые только.

– Подсудимая видела сторублевые, – я больше ничего не имею.

– Ну, что же, привезли деньги? – продолжал спрашивать председатель, глядя на часы.

– Привезла.

– Ну, а потом? – спросил председатель.

– А потом *он* опять взял меня с собой, – сказала Маслова.

– Ну, а как же вы дали ему в вине порошок? – спросил председатель.

– Как дала? Всыпала в вино, да и дала.

– Зачем же вы дали?

Она, не отвечая, тяжело и глубоко вздохнула.

– Он все не отпускал меня, – помолчав, сказала она. – Измучилась я с ним. Вышла в коридор и говорю Симону Михайловичу: «Хоть бы отпустил меня. Устала». А Симон Михайлович говорит: «Он и нам надоед. Мы хотим ему порошков сонных дать; он заснет, тогда уйдешь». Я говорю: «Хорошо». Я думала, что это не вредный порошок. Он и дал мне бумажку. Я вошла, а *он* лежал за перегородкой и тотчас велел подать себе коньяку. Я взяла со стола бутылку финь-шампань, налила в два стакана – себе и ему, а в его стакан всыпала порошок и дала ему. Разве я бы дала, кабы знала.

– Ну, а как же у вас оказался перстень? – спросил председатель.

– Перстень он мне сам подарил.

– Когда же он вам подарил его?

– А как мы приехали с ним в номер, я хотела уходить, а он ударил меня по голове и гребень сломал. Я рассердилась, хотела уехать. Он взял перстень с пальца и подарил мне, чтобы я не уезжала, – сказала она.

В это время товарищ прокурора опять привстал и все с тем же притворно-наивным видом попросил позволения сделать еще несколько вопросов и, получив разрешение, склонив над шитым воротником голову, спросил:

– Я бы желал знать, сколько времени пробыла подсудимая в номере купца Смелькова.

Опять на Маслову нашел страх, и она, беспокойно перебегая глазами с товарища прокурора на председателя, поспешно проговорила:

– Не помню, сколько времени.

– Ну, а не помнит ли подсудимая, заходила ли она куда-нибудь в гостинице, выйдя от купца Смелькова?

Маслова подумала.

– В номер рядом, в пустой, заходила, – сказала она.

– Зачем же вы заходили? – сказал товарищ прокурора, увлекшись и прямо обращаясь к ней.

– Зашла оправиться и дожидалась извозчика.

– А Картинкин был в номере с подсудимой или не был?

– Он тоже зашел.

– Зачем же он зашел?

– От купца финь-шампань остался, мы вместе выпили.

– А, вместе выпили. Очень хорошо.

– А был ли у подсудимой разговор с Симоном и о чем?

Маслова вдруг нахмурилась, багрово покраснела и быстро проговорила:

– Что говорила? Ничего я не говорила. Что было, то я все рассказала и больше ничего не знаю. Что хотите со мной делайте. Не виновата я, и все.

– Я больше ничего не имею, – сказал прокурор председателю и, неестественно приподняв плечи, стал быстро записывать в конспект своей речи признание самой подсудимой, что она заходила с Симоном в пустой номер.

Наступило молчание.

– Вы не имеете еще ничего сказать?

– Я все сказала, – проговорила она, вздыхая, и села.

Вслед за этим председатель записал что-то в бумагу и, выслушав сообщение, сделанное ему шепотом членом налево, объявил на десять минут перерыв заседания и поспешно встал и вышел из залы. Совещание между председателем и членом налево, высоким, бородатым, с большими добрыми глазами, было о том, что член этот почувствовал легкое расстройство желудка и желал сделать себе массаж и выпить капель. Об этом он и сообщил председателю, и по его просьбе был сделан перерыв.

Вслед за судьями поднялись и присяжные, адвокаты, свидетели и, с сознанием приятного чувства совершения уже части важного дела, задвигались туда и сюда.

Нехлюдов вышел в комнату присяжных и сел там у окна.

XII

Да, это была Катюша.

Отношения Нехлюдова к Катюше были вот какие.

В первый раз увидел Нехлюдов Катюшу тогда, когда он на третьем курсе университета, готовя свое сочинение о земельной собственности, прожил лето у своих тетушек. Обычно он с матерью и сестрой жил летом в материнском большом подмосковном имении. Но в этот год сестра его вышла замуж, а мать уехала на воды за границу. Нехлюдову же надо было писать сочинение, и он решил прожить лето у тетушек. У них в их глуши было тихо, не было развлечений; тетушки же нежно любили своего племянника и наследника, и он любил их, любил их старомодность и простоту жизни.

Нехлюдов в это лето у тетушек переживал то восторженное состояние, когда в первый раз юноша не по чужим указаниям, а сам по себе познает всю красоту и важность жизни и всю значительность дела, предоставленного в ней человеку, видит возможность бесконечного совершенствования и своего, и всего мира и отдается этому совершенствованию не только с надеждой, но и с полной уверенностью достижения всего того совершенства, которое он воображает себе. В этот год еще в университете он прочел «Социальную статику» Спенсера, и рассуждения Спенсера о земельной собственности произвели на него сильное впечатление, в особенности потому, что он сам был сын большой землевладелицы. Отец его был небогат, но мать получила в приданое около десяти тысяч десятин земли. Он в первый раз понял тогда всю жестокость и несправедливость частного землевладения, и, будучи одним из тех людей, для которых жертва во имя нравственных требований составляет высшее духовное наслаждение, он решил не пользоваться правом собственности на землю и тогда же отдал доставшуюся ему по наследству от отца землю крестьянам. Он на эту же тему и писал свое сочинение.

Жизнь его в этот год в деревне у тетушек шла так: он вставал очень рано, иногда в три часа, и до солнца шел купаться в реку под горой, иногда еще в утреннем тумане, и возвращался, когда еще роса лежала на траве и цветах. Иногда по утрам, напившись кофею, он садился за свое сочинение или за чтение источников для сочинения, но очень часто, вместо чтения и писания, опять уходил из дома и бродил по полям и лесам. Перед обедом он засыпал где-нибудь в саду, потом за обедом веселил и смешил тетушек своей веселостью, потом ездил верхом или катался на лодке и вечером опять читал или сидел с тетушками, раскладывая пасьянс. Часто по ночам, в особенности лунным, он не мог спать только потому, что испытывал слишком большую волнующую радость жизни, и, вместо сна, иногда до рассвета ходил по саду с своими мечтами и мыслями.

Так счастливо и спокойно жил он первый месяц своей жизни у тетушек, не обращая никакого внимания на полугорничную-полувоспитанницу, черноглазую, быстроногую Катюшу.

В то время Нехлюдов, воспитанный под крылом матери, в девятнадцать лет был вполне невинный юноша. Он мечтал о женщине только как о жене. Все же женщины, которые не могли, по его понятию, быть его женой, были для него не женщины, а люди. Но случилось, что в это лето, в Вознесенье к тетушкам приехала их соседка с детьми: двумя барышнями, гимназистом и с гостившим у них молодым художником из мужиков.

После чая стали по скошенному уже лужку перед домом играть в горелки. Взяли и Катюшу. Нехлюдову после нескольких перемен пришлось бежать с Катюшей. Нехлюдову всегда было приятно видеть Катюшу, но ему и в голову не приходило, что между ним и ею могут быть какие-нибудь особенные отношения.

– Ну, теперь этих не поймаешь ни за что, – говорил «горевший» веселый художник, очень быстро бегавший на своих коротких и кривых, но сильных мужицких ногах, – нешто спотыкнутся.

– Вы, да не поймаете!

– Раз, два, три!

Ударили три раза в ладоши. Едва удерживая смех, Катюша быстро переменилась местами с Нехлюдовым и, пожав своей крепкой, шершавой маленькой рукой его большую руку, пустилась бежать налево, гремя крахмальной юбкой.

Нехлюдов бежал быстро, и ему хотелось не поддаться художнику, и он пустился изо всех сил. Когда он оглянулся, он увидел художника, преследующего Катюшу, но она, живо перебирая упругими молодыми ногами, не поддавалась ему и удалялась влево. Впереди была клумба кустов сирени, за которую никто не бежал, но Катюша, оглянувшись на Нехлюдова, подала ему знак головой, чтобы соединиться за клумбой. Он понял ее и побежал за кусты. Но тут, за кустами, была незнакомая ему канавка, заросшая крапивой; он спотыкнулся в нее и, остерекав руки крапивой и омочив их уже павшей под вечер росой, упал, но тотчас же, смеясь над собой, справился и выбежал на чистое место.

Катюша, сияя улыбкой и черными, как мокрая смородина, глазами, летела ему навстречу. Они сбежались и схватились руками.

– Обстρεкались, я чай, – сказала она, свободной рукой поправляя сбившуюся косу, тяжело дыша и улыбаясь, снизу вверх прямо глядя на него.

– Я и не знал, что тут канавка, – сказал он, также улыбаясь и не выпуская ее руки.

Она придвинулась к нему, и он, сам не зная, как это случилось, потянулся к ней лицом; она не отстранилась, он сжал крепче ее руку и поцеловал ее в губы.

– Вот тебе раз! – проговорила она и, быстрым движением вырвав свою руку, побежала прочь от него.

Подбежав к кусту сирени, она сорвала с него две ветки белой, уже осыпавшейся сирени и, хлопая себя ими по разгоряченному лицу и оглядываясь на него, бойко размахивая перед собой руками, пошла назад к играющим.

С этих пор отношения между Нехлюдовым и Катюшей изменились и установились те особенные, которые бывают между невинным молодым человеком и такой же невинной девушкой, влекомыми друг к другу.

Как только Катюша входила в комнату или даже издалека Нехлюдов видел ее белый фартук, так все для него как бы освещалось солнцем, все становилось интереснее, веселее, значительнее; жизнь становилась радостней. То же испытывала и она. Но не только присутствие и близость Катюши производили это действие на Нехлюдова; это действие производило на него одно сознание того, что есть эта Катюша, а для нее, что есть Нехлюдов. Получал ли Нехлюдов неприятное письмо от матери, или не ладилось его сочинение, или чувствовал юношескую беспричинную грусть, стоило только вспомнить о том, что есть Катюша и он увидит ее, и все это рассеивалось.

Катюше было много дела по дому, но она успевала все переделать и в свободные минуты читала. Нехлюдов давал ей Достоевского и Тургенева, которых он сам только что прочел. Больше всего ей нравилось «Затишье» Тургенева. Разговоры между ними происходили урывками, при встречах в коридоре, на балконе, на дворе и иногда в комнате старой горничной тетушек Матрены Павловны, с которой вместе жила Катюша и в горенку которой иногда Нехлюдов приходил пить чай вприкуску. И эти разговоры в присутствии Матрены Павловны были самые приятные. Разговаривать, когда они были одни, было хуже. Тотчас же глаза начинали говорить что-то совсем другое, гораздо более важное, чем то, что говорили уста, губы морщились, и становилось чего-то жутко, и они поспешно расходились.

Такие отношения продолжались между Нехлюдовым и Катюшей во все время его первого пребывания у тетушек. Тетушки заметили эти отношения, испугались и даже написали об этом за границу княгине Елене Ивановне, матери Нехлюдова. Тетушка Марья Ивановна боялась того, чтобы Дмитрий не вступил в связь с Катюшей. Но она напрасно боялась этого: Нехлюдов, сам не зная того, любил Катюшу, как любят невинные люди, и его любовь была главной защитой от падения и для него и для нее. У него не было не только желания физического обладания ею, но был ужас при мысли о возможности такого отношения к ней. Опасения же поэтической Софьи Ивановны о том, чтобы Дмитрий, со своим цельным, решительным характером, полюбив девушку, не задумал жениться на ней, не обращая внимания на ее происхождение и положение, были гораздо основательнее.

Если бы Нехлюдов тогда ясно сознал бы свою любовь к Катюше и в особенности если бы тогда его стали бы убеждать в том, что он никак не может и не должен соединить свою судьбу с такой девушкой, то очень легко могло бы случиться, что он, с своей прямолинейностью во всем, решил бы, что нет никаких причин не жениться на девушке, кто бы она ни была, если только он любит ее. Но тетушки не говорили ему про свои опасения, и он так и уехал, не сознав своей любви к этой девушке.

Он был уверен, что его чувство к Катюше есть только одно из проявлений наполнявшего тогда все его существо чувства радости жизни, разделяемое этой милой, веселой девочкой. Когда же он уезжал, и Катюша, стоя на крыльце с тетушками, провожала его своими черными, полными слез и немного косившими глазами, он почувствовал, однако, что покидает что-то прекрасное, дорогое, которое никогда уже не повторится. И ему стало очень грустно.

– Прощай, Катюша, благодарю за все, – сказал он через чепец Софьи Ивановны, садясь в пролетку.

– Прощайте, Дмитрий Иванович, – сказала она своим приятным, ласкающим голосом и, удерживая слезы, наполнившие ее глаза, убежала в сени, где ей можно было свободно плакать.

XIII

С тех пор в продолжение трех лет Нехлюдов не видался с Катюшей. И увидался он с нею только тогда, когда, только что произведенный в офицеры, по дороге в армию, заехал к тетушкам уже совершенно другим человеком, чем тот, который прожил у них лето три года тому назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.